

A young man and woman are standing in a grassy field, looking at each other. The woman is on the left, wearing a red dress over a white shirt, and the man is on the right, wearing a plaid shirt and jeans. They are both looking at each other with a slight smile. The background shows a line of trees and a blue sky with white clouds.

Сергей Патрушев

Любовь между строк

Сергей Патрушев

Любовь между строк

«Автор»

2026

Патрушев С.

Любовь между строк / С. Патрушев — «Автор», 2026

Деревенская девушка Алина и богатый городской парень Глеб — такие разные, словно из разных миров. Их случайная встреча в забытой богом деревне Стрельцово перерастает в нечто большее, чем просто летний роман. Но судьба готовит им испытания: авария, едва не стоившая Глебу жизни, предательство, разлука, борьба с собственными страхами и сомнениями. И когда кажется, что счастье наконец обретено, выясняется, что Глеб — не просто успешный бизнесмен, а наследник древней магии, ключ к равновесию между миром людей и миром волшебства. Алине предстоит не только сохранить любовь, но и пробудить в себе силу, о которой она не подозревала. Вместе они должны пройти через тьму Излома, закрыть врата хаоса и доказать, что настоящая любовь сильнее любых преград — даже если эти преграды разделяют целые вселенные.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Любовь между строк

Глава 1.

В тот день небо над деревней Стрельцово было высоким и выцветшим от жары, словно старое льняное полотно. Алина сидела на лавке возле калитки, перебирая стручки молодого гороха, и шурилась от солнца, падающего на ее голову. Ее волосы, собранные в небрежный пучок, выбивались непослушными прядями и горели на свету так, будто внутри каждого локона запутался солнечный зайчик. Здесь, в деревне, красота была вещью привычной, но бесполезной – на неё если и обращали внимание, то лишь для того, чтобы сказать: «Алёнка-то у нас писаная, а возится в огороде, как все».

Она любила эту землю. Любила запах нагретой смородины, тягучее жужжание шмелей и то, как вечером опускается на поля сырая тишина. Здесь каждый камень был ей знаком, каждое дерево посажено при ней. И именно здесь, в этой тишине, чужой звук резанул слух, как фальшивая нота.

Со стороны трассы, петляющей среди полей, донесся низкий, уверенный рокот мотора. Алина подняла голову. Из-за поворота, взметнув облако золотистой пыли, вынырнул длинный черный автомобиль. Он двигался слишком быстро для их разбитой дороги, слишком плавно для этих ухабов, и смотрелся на фоне картофельных полей как космический корабль, по ошибке залетевший в восемнадцатый век.

Машина остановилась напротив соседского, давно пустующего дома с резными наличниками. Мотор затих, и наступила такая тишина, что Алина слышала, как бьется о стенки ведра упавший горох.

Дверца открылась. Из салона, щурясь от яркого света, выбрался парень. Он был высок, одет в светлые льняные брюки и тонкую рубашку с закатанными рукавами, обнажавшими загорелые предплечья. Темные очки он снял и теперь оглядывал покосившийся забор, заросли крапивы и покосившийся флигель с выражением легкого недоумения на лице, будто не мог поверить, что такая реальность вообще существует.

Алина замерла, прижимая к себе миску с горохом. Она видела таких людей только в телевизоре, который ловил три канала по старой антенне. Он был другим. Не лицом даже – лицо у него было простое, но очень четкое, с твердой линией челюсти и внимательными глазами – а тем, как он держался. Словно воздух вокруг него стоил дороже, чем вся их улица.

Парень, заметив ее взгляд, обернулся. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Для нее он был инопланетянином, вторгшимся в ее спокойный мирок. Для него она – живой портрет, сошедший с полотна русского художника-передвижника: простая одежда, рассыпавшиеся по плечам светлые волосы и глаза, цвет которых сейчас, в тени палисадника, казался темно-синим.

– Здравствуйте, – его голос был низким и спокойным. – Подскажите, здесь живет Петр Ильич Соболев?

Алина мотнула головой в сторону дома за своей спиной.

– Дак нет. Петр Ильич крайний дом живет, у фермы. А это дом его брата, царствие небесное, Василия Петровича. Вы по какому вопросу?

Парень усмехнулся чему-то своему, видимо, запутавшись в родственных связях.

– Я по вопросу наследства. Мой дед – Василий Петрович. Я – Глеб.

Он сделал шаг вперед, и Алина вдруг остро осознала, какая у нее пыльная юбка и как, должно быть, нелепо она выглядит с этой миской гороха. Она почувствовала, как под его взглядом начинает краснеть, и рассердилась на себя за эту глупую, деревенскую стеснительность.

– Наследство, значит, – протянула она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Что ж, заходите во владение. Только там, поди, мыши да пыль. Стоял дом-то.

Глеб еще раз окинул взглядом фасад с осыпавшейся краской, потом перевел взгляд на неё.

– А вы здесь всегда живете? – спросил он вдруг, и в его вопросе послышался не просто интерес соседа, а что-то другое, будто он пытался разгадать загадку.

– Всегда, – просто ответила Алина.

Он кивнул, словно утвердительно самому себе, и направился к калитке пустующего дома. Алина смотрела ему вслед. Солнце било в спину, высвечивая золотые искорки в её волосах. Она проводила его взглядом до самого крыльца и только тогда перевела дыхание, сама не понимая, почему в груди так сладко и тревожно защемило.

Вечером, когда солнце утонуло за лесом, она снова выглянула на улицу. Черная машина стояла на том же месте. В окнах заброшенного дома зажегся свет – тусклый, дрожащий, похожий на свет далекой звезды, которая вдруг решила спуститься на землю и зажечься в их тихой, сонной деревне.

Глава вторая.

Прошла неделя. Черная машина по-прежнему стояла у дома с резными наличниками, и Алина, сама того не желая, каждый раз замедляла шаг, проходя мимо. Она замечала, как по утрам Глеб выходит на крыльцо с чашкой кофе – странный, городской ритуал посреди деревенской тишины – и долго смотрит куда-то в поле, за линию горизонта. О чем он думает? Что здесь забыл городской житель с дорогой машиной и холеными руками?

Ответ пришел сам собой в субботу утром, когда в их калитку постучали. Мать Алины, тетя Надя, возившаяся в палисаднике с георгинами, выпрямилась и отерла руки о фартук. На пороге стоял Глеб, немного смущенный и от того кажущийся совсем юным.

– Здравствуйте, – сказал он, глядя поверх головы тети Нади куда-то вглубь двора, где под навесом Алина как раз развешивала белье. – Извините, что без приглашения. Мне посоветовали зайти к вам.

– Кто посоветовал? – насторожилась тетя Надя, подбоченившись.

– Да баба Маня с краю, – Глеб улыбнулся, и улыбка эта сделала его лицо проще, ближе.
– Сказала, что у вас лучше всех получается.

– Чего получается? – тетя Надя не спешила смягчаться.

– Пирожки с капустой. И вообще... – он запнулся, подбирая слова. – Я один там сижу, как сыч. Еды нормальной нет. Думал, может, договориться можно, чтобы я к вам на обед приходил? За плату, разумеется.

Алина замерла с мокрой простыней в руках. Сквозь белую ткань она видела его размытый силуэт и чувствовала, как сердце делает странный кульбит. Он пришел к ним. Сам.

Тетя Надя окинула Глеба оценивающим взглядом, задержалась на дорогих часах, выглядывающих из-под манжеты, и, кажется, что-то для себя решила.

– За плату, говоришь? – переспросила она, пряча усмешку в уголках губ. – А картошку копать умеешь? У нас тут, милок, деньги не главное. У нас руки нужны.

Глеб на мгновение опешил, но тут же кивнул, принимая вызов.

– Научусь.

Так и повелось. С того дня Глеб стал приходить к ним каждый день. Сначала к обеду, потом и к ужину. Алина старалась не попадаться ему на глаза лишний раз, но в маленьком деревенском доме это было невозможно. Они сталкивались в сенях, у колодца, за столом, когда он садился напротив и его колено случайно касалось ее ноги под столом. Она вспыхивала, отдергивала ногу и злилась на себя за эту дурацкую реакцию.

Глеб наблюдал за ней. За тем, как она режет хлеб – ровными, уверенными ломтями. Как поправляет выбившуюся прядь волос, и рука ее на мгновение замирает у виска. Как смеется над шутками матери – звонко, открыто, так, что хочется улыбнуться в ответ, даже если шутки были не про тебя.

Однажды вечером они сидели на лавке возле его дома. Алина принесла ему банку парного молока – тетя Надя велела отнести, мол, парню витамины нужны. Солнце уже село, небо наливалось густой синевой, и где-то далеко в поле стрекотал трактор, собирая последнее сено.

– Не скучно тебе здесь? – вдруг спросила Алина, глядя, как Глеб задумчиво крутит в пальцах травинку.

Он повернулся к ней. В темноте его глаза казались совсем черными, и в них было что-то такое, отчего у Алины перехватило дыхание.

– А тебе?

– Мне – нет, – она пожала плечами. – Я здесь родилась. Здесь всё родное.

– Вот именно, – тихо сказал Глеб. – Здесь всё настоящее. Не то, что у нас... в городе. Там всё – игра. Конкуренция, деньги, показуха. А здесь... – он обвел рукой темнеющее поле, звездное небо, ее лицо. – Здесь дышится.

Алина молчала, боясь спугнуть эту минуту. Где-то рядом застрекотал сверчок, и этот звук показался ей самым правильным в мире.

– Ты красивая, – сказал Глеб, и это прозвучало не как комплимент, которым его наверняка задаривали городские девицы, а как открытие, как констатация факта.

Алина опустила глаза, пряча улыбку. А когда подняла, между ними уже висело что-то новое, невысказанное, но такое осязаемое, что его можно было бы потрогать руками – как тот самый вечерний туман, что поднимался сейчас над рекой.

Так началось то, чему еще не было названия, но что уже пустило корни глубже, чем вековые сосны за околлицей.

Глава 3.

Август в том году выдался щедрым и пряным. Яблоки налились тяжелым румянцем, георгины клонили головы до самой земли, а по утрам на траве лежала такая роса, что идти босиком можно было только до колодца – дальше ноги промокали насквозь. Алина любила это время. Любила запах падалицы, терпкий и сладкий одновременно, любила, как солнце уже не печет, а только ласково греет спину, пока она полет грядки к зиме.

Теперь она просыпалась с мыслью о Глебе. Это случилось как-то само собой, незаметно, как приходит осень – вроде бы еще лето, а глядь – уже желтый лист упал на дорожку. Она ловила себя на том, что причесывается тщательнее обычного, что достает из сундука ситцевый сарафан с ромашками, который берегла для особого случая, что подолгу стоит перед маленьким мутным зеркалом в прихожей, разглядывая себя, будто видит впервые.

Глеб приходил теперь не только к обеду. Он находил поводы. То дров попросит нарубить – тетя Надя только руками всплеснула: «Топор-то хоть в руках держал?» То воды принести, то забор подправить, то просто так – посидеть на лавке, поговорить. Разговоры их были странными, непохожими на те, что Алина вела с деревенскими парнями. Глеб расспрашивал про травы, про птиц, про то, как определить погоду по облакам, и слушал так внимательно, будто она открывала ему тайны мироздания. А она слушала его рассказы про город, про работу, про какие-то выставки и встречи, и чувствовала себя почти глупой рядом с ним, хотя он ни разу не дал ей повода так думать.

– Ты когда-нибудь хотела уехать отсюда? – спросил он как-то, когда они сидели на крыльце его дома и смотрели, как солнце медленно тонет за лесом.

Алина задумалась. Раньше она не задавала себе этого вопроса. Деревня была данностью, как небо или земля.

– Не знаю, – честно ответила она. – Иногда казалось, что хочу. Посмотреть, как там, за горизонтом. А потом думала – а кому я там нужна? С моими-то руками, в натруженных ладонях. Я здесь умею всё – корову подоить, баню истопить, пироги испечь. А там... там я никто.

– Ты не никто, – тихо сказал Глеб. И посмотрел на неё так, что у Алины сердце остановилось, а потом понеслось вскачь, обгоняя заходящее солнце.

В тот вечер он впервые взял её за руку. Просто взял, когда они шли от колодца, и нёс оба ведра сам, а её ладонь сжимал в своей, и Алина шла рядом, боясь дышать, боясь, что это сон и сейчас она проснется в своей холодной постели под ватным одеялом.

А потом случилась гроза.

Это было в субботу. С утра небо затянуло сизым, воздух стал тяжелым и липким, и старая бабка Фрося, проходя мимо, покачала головой: «Быть беде, девоньки. Сильная будет». Алина только отмахнулась – мало ли что бабка Фрося скажет, она всегда беду кличет.

К вечеру грянуло. Так грянуло, что стекла в окнах задрожали, а старый дуб за огородами раскололся надвое, будто щепка. Дождь хлынул стеной, сплошной, непроглядной, и в этой стене Алина вдруг увидела бегущую фигуру. Глеб. Он был без куртки, мокрый до нитки, волосы прилипли ко лбу, а в глазах – отчаяние.

– Алина! – крикнул он, перекрывая грохот ливня. – Там... у меня крыша течет. Всё заливает. Я не знаю, что делать.

Она не думала ни секунды. Схватила старый брезентовый плащ, накинула ему на плечи, а сама выскочила следом, прямо под ливень. Вдвоем они добежали до его дома, и там действительно оказалось – в комнате, где Глеб устроил себе спальню, с потолка лилось в трех местах, вода заливала пол, дорогой ноутбук, какие-то бумаги.

– Вёдра! – скомандовала Алина, сбрасывая мокрые тапки. – Тащи всё, что найдешь. И тряпки.

Они метались по комнате, подставляя тазы, кастрюли, даже дорогую кожаную сумку Глеба – всё, что могло поймать воду. Глеб смотрел на неё, на мокрую, растрепанную, с прилипшей ко лбу светлой прядью, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что никогда не видел никого прекраснее.

Когда с потолка перестало лить и осталось только капать, они выдохнули. Стояли посреди комнаты, в луже воды, тяжело дыша, и вдруг одновременно рассмеялись. Громко, навзрыд, как дети, уставшие от долгой игры.

– Ты... – выдохнул Глеб, протягивая руку и убирая мокрую прядь с её щеки. – Ты невероятная.

Алина подняла на него глаза. В них плескалось что-то такое, от чего у Глеба перехватило дыхание.

– Глеб... – шепнула она.

И он поцеловал её. Прямо там, посреди залитой водой комнаты, под барабанную дробь дождя по крыше и далекие раскаты уходящего грома. Вкус её губ был солоноватым от пота

и сладким, как те яблоки, что она приносила ему каждое утро. И Глеб вдруг понял, что все его прошлые отношения, все эти гламурные девушки с идеальным макияжем и выверенными фразами – просто пыль, просто тени на стекле. А настоящее – вот оно. Стоит сейчас перед ним, промокшая до нитки, в старом ситцевом сарафане, и смотрит так, будто он – единственное чудо на земле.

Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Выглянуло солнце, и капли на листьях загорелись тысячами маленьких огней. Алина ушла домой, насквозь мокрая, но легкая, будто за спиной выросли крылья. А Глеб долго стоял на крыльце, глядя ей вслед, и чувствовал, как в груди разливается тепло, с которым не могли сравниться никакие деньги мира.

Он не знал тогда, что через неделю ему придется уехать. Что город, бизнес, обязательства – все это никуда не делось, а только затаилось на время, выжидая момент. Он не знал, что выбор, который ему предстоит сделать, будет самым трудным в жизни.

Но в тот вечер, глядя на удаляющуюся фигуру в мокром сарафане, он знал только одно: он пропал. Пропал окончательно и бесповоротно.

Глава 4.

Звонок прозвучал как выстрел. Глеб копал картошку – тетя Надя, ухмыляясь в платок, вручила ему лопату и указала на дальнюю грядку: «Покажешь, на что способен, городской». Он уже обливался потом, ломило спину, но Алина была рядом – смеялась над его неуклюжестью, поправляла, показывала, и от этого даже картошка казалась счастьем. Мобильный завибрировал в кармане настойчиво, требовательно. Глеб вытер руки о штаны, взглянул на экран, и лицо его изменилось.

– Надо ответить, – сказал он коротко и отошел в сторону, к старой яблоне.

Алина смотрела, как он говорит, как жестикулирует свободной рукой, как хмурится и проводит ладонью по затылку – жест, который она уже выучила наизусть, означающий напряжение. Голос его долетал обрывками, ветер уносил слова: «проект», «сроки», «не могу сейчас», «подождите». Потом он надолго замолчал, слушая, и плечи его опустились.

Он вернулся к грядке, но картошку больше не копал. Стоял, сжимая черенок лопаты, и смотрел куда-то мимо, в поля, в небо, в пустоту.

– Что случилось? – тихо спросила Алина, подходя ближе.

Глеб перевел на неё взгляд. В глазах его было столько боли, что у неё сердце сжалось.

– Мне нужно ехать, – выдохнул он. – Завтра. Утром.

Слова упали между ними, как тяжелые камни. Алина почувствовала, как земля уходит из-под ног, хотя стояла на ней крепко, двумя ногами.

– Насовсем? – спросила она, и голос её дрогнул, предательски дрогнул.

– Не знаю, – честно ответил Глеб. – Там... проблемы на работе. Партнеры. Контракты. Я не могу это бросить. Пока не могу.

Он шагнул к ней, взял за плечи, заглянул в глаза.

– Алина, это не конец. Слышишь? Я вернусь. Как только разгребу всё – вернусь.

Она кивнула. Потому что надо было кивнуть. Потому что что ещё она могла сделать? Вцепиться в него, закричать, не пустить? Гордость не позволяла. Да и права такого у неё не было. Кто она ему? Деревенская девчонка, с которой у него случился летний роман.

Вечер прошел как в тумане. Тетя Надя, узнав новость, поджала губы, но ничего не сказала. Только картошки нажарила побольше, да банку соленых огурцов сунула Глебу в дорогу – «в поезде закусишь». Глеб взял, поблагодарил, и в глазах его мелькнуло что-то, похожее на тоску по дому, которого у него никогда не было.

Они сидели на крыльце его дома – того самого, с которого всё началось. Ночь была теплая, звездная, пахло увядающими травами и близкой осенью. Глеб держал Алину за руку, гладил большим пальцем её ладонь, шершавую от работы, и молчал. Алина молчала тоже. Все слова казались ненужными, фальшивыми.

– Ты будешь писать мне? – спросила она наконец.

Глеб повернулся, посмотрел на неё долгим взглядом.

– Каждый день, – сказал он. – Обещаю.

Она хотела поверить. Очень хотела.

Утром она провожала его до машины. Черный автомобиль, так нелепо смотревшийся здесь месяц назад, сейчас казался частью её жизни. Глеб бросил сумку на заднее сиденье, обернулся. Подошел, обнял крепко, до хруста, уткнулся лицом в её волосы, пахнущие утренняя туманом и яблоками.

– Я вернусь, – прошептал он ей в макушку.

– Я буду ждать, – ответила она.

Он сел в машину. Мотор зарычал, взревел, автомобиль тронулся, поднимая пыль. Алина стояла у калитки и смотрела, как он уезжает. Как черная точка становится все меньше, как исчезает за поворотом, как оседает пыль на дороге. И только тогда, когда дорога опустела, когда ветер донес запах полыни и далекого дыма, она позволила себе заплакать.

Первое письмо пришло через три дня.

Алина нашла его в старом почтовом ящике, который никто не открывал годами – кто ж теперь пишет письма? Конверт был плотный, дорогой, с маркой, наклеенной ровно, и её имя, выведенное незнакомым, но уже таким родным почерком. Она разорвала конверт дрожащими руками, вытащила сложенный лист.

«Алина, я доехал. Всё хаотично, всё бегом, но в голове – только ты. Сажу в офисе, смотрю на серые стены и вижу твои глаза. Не могу сосредоточиться. Вчера купил яблоки в супермаркете – пластмассовые, безвкусные. Вспомнил твои, с хрустом, с соком по подбородку...»

Она читала и улыбалась сквозь слезы. Читала по многу раз, пока не выучила наизусть. Письмо пахло городом, типографской краской и чем-то неуловимо чужим, но строчки были его, настоящие.

Она ответила в тот же вечер. Долго сидела над тетрадным листом, кусая ручку, вымарывая, переписывая заново. Что ему писать? Про то, как отелилась Зорька? Про то, что Фрося померла? Про то, что дожди зарядили и картошку выкопали без него? Или про то, что ночами не спит, ворочается, прижимая подушку и представляя, что это он рядом?

Написала просто. Про деревню, про погоду, про то, что скучает. И добавила в конце: «Ты говорил, что мы встретились не просто так. Я теперь в это верю. Жду. Твоя Алина».

Опустила письмо в синий ящик на почте и пошла домой, чувствуя, как в груди разгорается маленький огонек надежды.

Так и началась их любовь между строк.

Глава 5.

Осень в тот год выдалась долгая, тягучая, как патока. Листья с берез облетали не сразу, а держались до первого снега, желтые, из последних сил. Алина тоже держалась. Письма от Глеба приходили исправно, каждые три-четыре дня, и она носила их за пазухой, согревая теплом тела, перечитывала по вечерам при тусклой лампочке, водила пальцем по строчкам, будто пытаясь нащупать его голос.

Он писал о разном. О том, как вытащил сложный проект, как партнеры наконец перестали давить, как ездил на переговоры в Питер и всё время думал, что хорошо бы ей показать этот город – мосты, разводные, белые ночи. Писал, что купил книгу про травы, чтобы понимать, о чем она рассказывала, и теперь ходит в парк и пытается отличить тысячелистник от пижмы. Писал, что скучает. Так просто и так сильно, что у Алины каждый раз перехватывало дыхание.

Она отвечала ему длинными письмами, исписывая тетрадные листы мелким, аккуратным почерком, которым её в школе учили. Писала про деревенские новости, про то, как соседский пес Тузик утопился в пруду за утками, как тетя Надя засолила капусту и поставила рекорд – тридцать банок, как рано в этом году лег снег, прямо на непромерзшую землю. Писала про вечера, долгие, темные, когда только печка гудит да ветер воет в трубе. Писала, что ждет.

Тетя Надя поглядывала на дочь с тревогой, но молчала. Только вздыхала тяжело, когда видела, как Алина достает из ящика стола заветную стопку конвертов, перевязанную бечевкой. Что тут скажешь? Сама молодая была, сама ждала. Только её жданки кончились одним письмом: «Прости, Надя, так вышло. Не суди». И всё. И осталась она с Алиной на руках да с разбитым сердцем. Потому и молчала, что боялась за дочь, боялась, что повторится её история.

Алина про материнские страхи не знала. Она жила от письма до письма. Почтальонша тетя Клава, грузная баба с неизменной сумкой через плечо, уже знала: если конверт с городским штемпелем, нести сразу Алине, не заходя в правление. И несла, улыбаясь беззубым ртом,

и каждый раз приговаривала: «От суженого, поди?» Алина краснела, прятала конверт в карман фартука и убегала в дом, чтобы никто не видел её счастливых глаз.

В середине ноября пришло письмо, которое всё изменило.

Глеб писал, что разобрался с делами. Что партнеры взяли паузу, что контракты подписаны, что на ближайшие две недели он свободен как ветер. И что хочет приехать. Не в гости, не на пару дней – приехать, чтобы понять, как им быть дальше.

«Я много думал эти месяцы, Алина, – писал он. – Сидел в своем стеклянном офисе, смотрел на дождь за окном и понимал, что всё это – не моё. Точнее, моё, но только наполовину. Вторая половина осталась там, в Стрельцово, на твоей кухне, за твоими пирогами, в твоих руках. Я не знаю, что из этого выйдет. Знаю только, что без тебя – никак. Если ты не передумала, если всё еще ждешь – я приеду в субботу. Если передумала – напиши, я пойму. Только, кажется, даже не написав, я всё равно приеду. Потому что не могу иначе».

Алина читала это письмо и плакала. Сидела на краю кровати, сжимая листок в руках, и слезы капали на бумагу, расплываясь чернила. Мать заглянула в комнату, увидела это, всплеснула руками:

– Алька! Ты чего? Что стряслось-то?

Алина подняла мокрое лицо, и сквозь слезы вдруг улыбнулась. Так, что тетя Надя отшатнулась – столько света было в этой улыбке.

– Едет, мам. Он едет.

Тетя Надя постояла, помолчала, а потом подошла, села рядом, обняла дочь за плечи. И впервые за много лет не нашла слов, только гладила её по голове, как в детстве, и думала: «Лишь бы не обманул. Лишь бы не разбил».

Суббота приближалась медленно, как телега с сеном. Алина переделала все дела, вымыла полы, наварила, напекла, а время всё тянулось и тянулось, будто назло. Она мерила шагами комнату, выходила на крыльцо, вглядывалась в дорогу. Черной машины не было.

Утром в субботу пошел снег. Первый настоящий, крупными хлопьями, он падал на землю и тут же таял, превращая дорогу в черное месиво. Алина смотрела на небо и молилась всем деревенским богам, которых знала, чтобы Глеб доехал. Чтобы ничего не случилось. Чтобы это всё было правдой.

Он приехал под вечер, когда уже начало темнеть. Машина показалась на повороте, медленно, осторожно пробираясь по раскисшей дороге. Алина выскочила за калитку босиком, забыв про обувь, и побежала навстречу, прямо по снегу, по грязи, по лужам. Глеб выскочил из машины, даже не заглушив мотор, и они встретились посередине дороги – городской парень в дорогом пальто и деревенская девушка в старом платке, накинута поверх кофты.

Она влетела в его объятия, и он подхватил её, закружил, и снег падал на них, таял на разгоряченных лицах, и весь мир исчез, остались только его руки, его губы, его шепот:

– Я вернулся. Я с тобой.

– Я знала, – ответила она, пряча лицо у него на груди. – Я всегда знала.

Тетя Надя стояла на крыльце, кутаясь в шаль, и смотрела на них. И впервые за долгие годы не думала о плохом. Смотрела и улыбалась сквозь подступающие слезы.

А снег всё падал и падал, укрывая землю первым чистым белым покрывалом, стирая границы, сближая небо и землю, город и деревню, его и её.

Глава 6.

Они сидели на кухне до глубокой ночи. Тетя Надя, поглядев на них, сказала: «Пойду к Фросе, посижу, давно не виделась» – и ушла, накинув платок и прихватив банку варенья для соседки. Алина знала, что никакая Фрося мать не ждет, что это просто предлог оставить их вдвоем, и была благодарна.

Глеб сидел за столом, покрытым клеенкой в мелкий цветочек, грел ладони о кружку с чаем и смотрел на Алину так, будто не мог насмотреться. Она хлопотала у печки, доставала пироги, нарезала хлеб, и каждое её движение отзывалось в нём сладкой болью. Дома, подумал он. Я дома.

– Ты похудел, – сказала Алина, ставя перед ним тарелку с румяными пирожками. – Кормят там, в городе твоём?

– Кормят, – улыбнулся Глеб. – Только не тем.

Она села напротив, подперла щеку рукой. В свете лампы волосы её казались не золотыми, а серебряными, и глаза блестели темным блеском.

– Рассказывай, – попросила она. – Всё рассказывай. Как ты там без меня.

И он рассказывал. Про офис, где все носятся как угорелые, про встречи, на которых нужно улыбаться тем, кого ненавидишь, про вечера в пустой квартире, где единственным живым существом был фикус на подоконнике, купленный в память о её рассказах про домашние цветы. Про то, как ловил себя на том, что набирает в телефоне её номер, а звонить нельзя – у неё сеть только на пригорке, да и то не всегда. Про то, как перечитывал её письма и каждую ночь засыпал с мыслью, что она где-то там, под этим же небом, и тоже смотрит на звезды.

Алина слушала, и сердце её наполнялось до краев. Она не знала, что можно так скучать по человеку, что можно жить от письма до письма и чувствовать это – не меньше, чем прикосновения.

– А ты? – спросил Глеб, накрывая её руку своей. – Ты как?

Она пожала плечами, улыбнулась.

– Да как... Дом, хозяйство, маме помогаю. Снег нынче рано лег, думала, не успеем с картошкой, а управились. Ты же помогал сначала, помнишь?

Помнил ли он. Спина до сих пор иногда ныла к дождю.

– Я не про то, Алина. Ты как? Ждала?

Она посмотрела на него долгим взглядом, и Глеб увидел в этом взгляде всю глубину, всю тоску, всё то, что она не решалась написать в письмах.

– Ждала, – просто сказала она. – Каждый день. Каждую ночь. Когда письма долго не было, думала, что всё, не вернешься. А потом приходило – и снова жила. Как на качелях.

Глеб сжал её руку.

– Прости, что заставил ждать. Я не мог иначе.

– Я знаю, – кивнула она. – Ты же говорил. Я помню.

Они замолчали. В печке потрескивали дрова, за окном бесшумно падал снег, и в этой тишине было больше смысла, чем в любых разговорах.

– Алина, – Глеб вдруг подался вперед, и лицо его стало серьезным, почти напряженным. – Я хочу тебя спросить. Только ты ответь честно, ладно?

Она насторожилась.

– Спрашивай.

– Если бы я попросил тебя... если бы я сказал, что хочу, чтобы ты поехала со мной. В город. Совсем. Что бы ты ответила?

У Алины перехватило дыхание. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в них плескался страх пополам с надеждой.

– Ты серьезно?

– Я никогда в жизни не был серьезнее, – сказал Глеб. – Я много думал эти месяцы. И понял одно: без тебя мне не жить. Это не громкие слова, Алина, это правда. Я не хочу приезжать на неделю, не хочу писем, не хочу ждать. Я хочу, чтобы ты была рядом. Каждое утро. Каждый вечер. Всегда.

– Но... – она запнулась, подбирая слова. – А как же я здесь? Мама? Дом? Хозяйство? Я же ничего не умею там, в городе. Я коров доила, а не отчёты писала.

– Научу, – просто ответил Глеб. – Всему научу. Захочешь – работать пойдешь, не захочешь – дома сиди. Квартира большая, места хватит. Маме будем помогать, приезжать. Это не навсегда прощание, Алина. Это просто... жизнь вместе.

Она молчала долго. Так долго, что Глеб начал уже терять надежду. А потом она подняла на него глаза – и в них стояли слезы.

– Ты правда этого хочешь? – спросила она шепотом. – Со мной, деревенской, необразованной, с руками, как у мужика? Там же у вас другие девушки – красивые, умные, в институтах учились. Зачем я тебе?

Глеб встал, подошел к ней, опустился на колени прямо на пол, взял её руки в свои.

– Затем, что ты – это ты. Затем, что когда я с тобой – я дышу. Затем, что без тебя всё теряет смысл. Зачем мне умные девушки из институтов, если они не пахнут яблоками и снегом? Зачем мне красивые, если они не умеют так смотреть, как ты? Ты – моё чудо, Алина. Самое настоящее.

Она заплакала. Прямо при нем, не стесняясь, не пряча лица. Слезы катились по щекам, падали на его руки, и Глеб целовал их, целовал её мокрые глаза, её губы, её пальцы.

– Я боюсь, – прошептала она сквозь слезы. – Очень боюсь.

– Я тоже, – ответил он. – Но вместе мы справимся. Ты веришь мне?

Она посмотрела на него долгим, испытующим взглядом. Искала в глазах ложь, сомнение, что-то, что позволило бы отказаться, остаться в привычном мире, не рисковать. Но видела только правду. Только любовь. Только его.

– Верю, – выдохнула она.

И когда он поцеловал её, она поняла: это начало. Не конец чего-то, а начало. Начало новой жизни, страшной и желанной, чужой и такой нужной.

Утром пришла тетя Надя. Застала их на кухне – Глеб чистил картошку, Алина резала сало, и оба были такие счастливые, что на них смотреть было больно. Мать поставила сумку на пол, сняла платок, посмотрела на дочь.

– Надумали чего? – спросила она прямо, без обиняков.

Алина переглянулась с Глебом. Он кивнул.

– Мам, – сказала она тихо. – Я, наверное, поеду. С ним.

Тетя Надя стояла молча. Секунду, две, три. Потом вздохнула тяжело, опустилась на табуретку.

– Я так и знала, – сказала она. – Сердцем чувала.

Повисла пауза. Алина замерла, боясь дышать. Мать может не отпустить, может запретить, может сказать всё, что думает про этих городских, которые только и умеют, что обещать.

Но тетя Надя посмотрела на Глеба долгим, тяжелым взглядом.

– Ты смотри, парень, – сказала она негромко. – Дочка у меня одна. Всё, что есть. Ты её не обижай. Если обидишь – я хоть и старая, а найду. Деревня у нас дружная.

Глеб встал, подошел к ней, поклонился в пояс.

– Не обижу, тетя Надь. Слово даю.

Тетя Надя смотрела на него долго, изучающе. Потом махнула рукой.

– Ладно. Живите. Только свадьбу чтобы здесь играли, в деревне. Я дочь не в загсе каком-то выдавать буду, а по-людски.

У Алины вырвался смешок – сквозь слезы, сквозь радость, сквозь всё сразу.

– Мам! Какая свадьба?

– А такая, – тетя Надя поджала губы, но в глазах её плясали чертики. – Нечего в грехе жить. Христиане, поди.

Глеб рассмеялся, обнял тетю Надю за плечи, чмокнул в щеку.

– Будет свадьба, тетя Надь. Обещаю. Самая лучшая.

Алина смотрела на них и чувствовала, как сердце разрывается от счастья. Её мама и её мужчина. Её прошлое и её будущее. И они рядом. И всё хорошо.

Снег за окном всё падал, укрывая деревню белым пушистым одеялом. И в этом снеге, в этой тишине, в этом уюте старого дома рождалась новая семья.

Глава 7.

Свадьбу сыграли через месяц. Тетя Надя развернулась так, будто всю жизнь только и готовилась дочь замуж отдавать. Столы накрыли прямо на улице, несмотря на декабрьский мороз – мужики сколотили длинные дощатые конструкции, бабы наташили половики, тулупы, одеяла, и гости сидели, укутанные, как капуста, но веселые, разгоряченные самогоном и счастьем.

Глеб настоял, чтобы все было по-деревенски. Родня из города, приехавшая на двух машинах, сначала крутила носами – непривычно им было сидеть на лавках, есть деревянными ложками из общих мисок, ходить в туалет на улицу. Но к вечеру, когда гармошка заиграла, а тетя Надя пустилась в пляс, отбросив степенность, даже самые чопорные городские тетки начали притопывать ногами в такт.

Алина в белом платье, которое Глеб привез из города – простое, без вычурностей, но сидевшее так, будто его шили на нее – была прекрасна. Волосы распущены, светлой волной падают на плечи, в глазах – звезды, на щеках – румянец от мороза и волнения. Она смотрела на Глеба и не верила, что это всё происходит с ней. С ней, деревенской девчонкой, которая еще год назад и мечтать не смела о таком.

Глеб не отходил от нее ни на шаг. Держал за руку, поправлял фату, целовал в висок, когда никто не видел, и улыбался так, что у гостей сердце таяло. Мать его, интеллигентная женщина в строгом костюме, сначала поглядывала на невестку с опаской – слишком уж простая, слишком

не её круга. Но к концу вечера, когда Алина, забыв про платье, бросилась помогать бабам тащить новый чан с горячим глинтвейном, а потом засмеялась так звонко и чисто, что даже птицы на деревьях встрепенулись, – мать Глеба вдруг поняла, почему сын выбрал именно её. И заплакала. Тихо, в платочек, чтобы никто не видел.

Тетя Надя сидела во главе стола, рядом с зятем, и была, кажется, счастливее всех. Потому что сбылось. Потому что дочь не повторила её судьбу, не осталась с письмом и разбитым сердцем, а дождалась, дотерпела, доверилась. Потому что зять – золото, сразу видно. Смотрит на Алину так, будто она солнце, и все вокруг только тени.

– Горько! – закричали гости, и понеслось: горько, горько, горько.

Глеб целовал Алину долго, не стесняясь, и народ улюлюкал, свистел, топал ногами. А когда оторвались друг от друга, Алина вдруг увидела в толпе знакомое лицо – и сердце её екнуло.

Сергей. Тот самый Сергей, что два года назад обещал жениться, а потом уехал в город на заработки и пропал, даже письма не написал. Стоял в стороне, у забора, смотрел на неё тяжелым взглядом, и в руке его дымились сигарета.

Алина побледнела. Глеб почувствовал, как напряглась её рука, проследил за взглядом.

– Кто это? – тихо спросил он.

– Никто, – ответила Алина, отводя глаза. – Бывший. Давно.

Глеб кивнул, но взгляд его потемнел. Он еще раз посмотрел на незнакомца – тот не отводил глаз, смотрел в упор, с вызовом, и в этом взгляде читалось что-то нехорошее.

– Не волнуйся, – шепнул Глеб, обнимая жену за талию. – Я рядом.

Сергей не подходил весь вечер. Торчал у забора, курил одну за одной, пил из горла, но к столу не садился, в гулянье не ввязывался. Алина старалась не смотреть в его сторону, но краем глаза все равно видела темный силуэт, и от этого на душе было беспокойно.

Гости разошлись за полночь. Кто-то упал прямо в сугроб и уснул, кто-то пошел танцевать на пруд, кто-то затеял драку, но быстро утихомирили. Тетя Надя, усталая, но довольная, ушла в дом, забрав с собой самых шумных родственников, чтобы молодые могли побыть вдвоем.

Алина и Глеб остались одни посреди опустевшего двора. Снег падал крупными хлопьями, фонари горели тускло, где-то вдалеке лаяли собаки. Глеб обнял жену, притянул к себе.

– Ну что, жена? – шепнул он в её волосы. – Страшно?

– С тобой – нет, – ответила она, и это была чистая правда.

Они стояли так долго, качаясь в медленном танце без музыки, и снег укрывал их белым покрывалом, стирая границы между прошлым и будущим, между страхами и надеждами.

А потом из темноты вышел Сергей.

– Алина, – позвал он хрипло. – Дай поговорить.

Глеб напрягся, шагнул вперед, заслоняя жену.

– Отойди, – сказал он спокойно, но в голосе звенел металл.

– Я не с тобой, городской, – Сергей сплюнул под ноги. – Я с ней. Алина, выйди на минуту.

Алина выдохнула, коснулась руки Глеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.